Автор: admin
06.08.2014 18:18 -

Советский сенокос или смычка города и деревни -2

Налимы надоели очень быстро. Дня через три. Тушёнка «Великая стена» из братского Китая давно чернела какашками на дальней поляне. К этому времени как раз поспела наша брага на томат-пасте.
Дегустацию провели изысканно и романтично, вечером у костра. «Вшторивала» настойка из мёртвых помидоров по-чёрному, но ключи от жопы потеряли почти все…
Дни тянулись медленно-медово, карты стёрли до дыр, рыбалка надоела. Скука холодной змеёй начала вползать в наш весёлый и дружный коллектив.
Проезжавшие мимо нас местные охотники, открыли нам страшную тайну. Оказывается, продавщица местного сельпо любит налимов больше, чем ебаться. И втихаря меняет на них вино «Изабелла», единственное спиртное, которое было на складе сельмага. Приняв стратегическую информацию к сведению, наш сплочённый коллектив двинул на рыбалку. Душу грела мысль о настоящем вине, а не бурдомаге из бидона. Через пару часов мешок с налимами стоял у наших ног. Доверить столь ответственную бартерную сделку кому попало мы не могли, а посему двинули в деревню сами. Гена Ус, Корзина, Лиза и я.

Сделка прошла успешно. Мы стали обладателями ЯЩИКА «Изабеллы»!!!
Мы отошли на берег речки и решительно и жёстко отметили наш «гешефт». Настроение распиздец-прекрасное, душа согрелась…
Не хватало двух вещей – баб и мяса! Об этих деликатесах мы могли только мечтать.
Мы решили пройтись по деревне, отвыкшие от цивилизации, хотели посмотреть на настоящие дома, хоть и деревянные.
Внезапно наткнулись на маленькое белёное здание с фанерной табличкой – «Клуб». Мы переглянулись и решительно вошли внутрь…
В полумраке виднелся небольшой бильярдный стол, вокруг которого столпившиеся местные «мыганы» устало и лениво катали квадратные от щербин шары. Из раздолбанной радиолы (для молодых поясняю – это скрещенный радиоприёмник с проигрывателем виниловых дисков) со скрипами и заиканием звучал диск Давида Тухманова «По волне моей памяти…»
Мы старались вести себя интеллигентно, но наш внешний вид свёл наши усилия на нет. Обросшие, небритые, грязные. Любая сказанная нами фраза звучала, как признак агрессии…
Сейчас уж не помню, с чего всё началось. Но от местных потупило предложение «выйти». Мы вышли.
Блядь, откуда ни возьмись, материализовалось человек двадцать местных. Мы поняли, что нужен нестандартный психологический ход!
Я из толпы выделил главного, подошёл к нему и сказал:
- Слышь, чувак, какого хуя мы тут будем устраивать кучу- малу? Давай от вас одного и от

нас одного и пусть сойдутся в равном бою!-
Моё предложение вызвало неподдельный интерес у аборигенов.
От них вышел Главный, от нас вышел я, так как был трезвее остальных. Главный видимо где-то умудрился посмотреть фильмец с Брюсом Ли. Встав в стойку каратэга, он стал отчаянно задирать ноги в болотных сапогах, с которых летели комья глины и навоза…
Сразу договорились - дерёмся до первой крови.
Я понимал, что с полным желудком «Изабеллы» мне долго не продержаться. Но жизненный опыт предместья Марата и самого бандитского района Ново-Ленино не дал сбоя. Я полюбовался немного балетными па Главного, потом резко поднырнул, схватил его двумя руками за затылок и впечатал его нос в свой лоб…
У нас этот приём назывался «взять на калган».
Брызнула кровь. На месте носа была каша. Местные оторопели, они настроились на зрелище, а всё так быстро и позорно закончилось. Я стараясь выглядеть спокойно, сказал:
- Всё, пацаны. Как договаривались, до первой крови. Претензий нет?
Претензий не было, и мы, подхватив мешок с остатками «Изабеллы» отправились в лагерь. Минут через пятнадцать нас догнала баба со скалкой (как оказалось мамаша Главного) и выбрав на её взгляд самого свирепого, начала дубасить ей Корзину! Мы еле спаслись бегством. Корзина жутко матерился. Он был цыганистого типа, полный рот золотых зубов, небритый и в ковбойской шляпе, сам Бог велел отхуярить!
Пролетели две с половиной недели, смены нам не было. Голод всё явственней показывал своё худое лицо…
Не выдержав, пошли к председателю. Как всегда Корзина, Ус, Лиза и я. Председатель, увидев наши измождённые рожи, сжалился. Написал нам записочку на ферму, чтобы нам разрешили забить молодого бычка, в долг естественно…
На ферме, сисясто-жопастая заведующая сказала:
- Сами забивать будете. У нас некому. В кочегарке кувалду возьмите.
Мы отвыкшие от женского тела, жадно заглядывали ей в декольте, из которого яростно арбузился шестой номер.
Лиза с еврейской галантностью стал отпускать ей комплименты, мы не отставали. Лишь Ус угрюмо побрёл в кочегарку…
Мы наперебой рассказывали анекдоты, баба ошарашенная нашим единым порывом, хлопала коровьими глазами и глупо хихикала, ей льстило внимание городских пижонов.
Наше токование нарушил истошный крик со двора фермы.
Мы выскочили на улицу. Картина открывшаяся нашему взору достойна описания более опытного литератора, чем Ваш покорный слуга, единственное, что скажу, немая сцена из «Ревизора» - отдыхает!
Спиной к нам, опустив кувалду на землю, стоял Гена Ус, вид его спины выражал нечеловеческую усталость…
У его ног лежал охуительный бык, нет, не бык – БЫЧАРА!!!
С кудрявым лбом и кольцом в носу. Вокруг Уса, крутились, непрерывно крича, человек пять доярок в вымазанных говном халатах.
Бык оказался племенным, купленным за невьебенную сумму в валюте, в стране тюльпанов – Голландии!
Он был единственным животным, которого Ус мог позиционировать как быка. Хули с него взять – городской!

Скандал был долгий, председателя чуть инфаркт не хватил.
Кипишь был не детский. Но, в жизни всё кончается. Быка по-скорому разделали, выделили нам заднюю ляжку и голову. Ляжка была очень тяжёлая, и мы, чтобы облегчить себе путь домой, по наторенной дорожке пошли в сельмаг и обменяли часть ляжки на ящик приснопамятной «изабеллы».
Встречали нас как истинных героев. Рассказы наши обросли множеством подробностей и были конкретно приукрашены. Пир удался на славу. Весь лагерь перепился.
Народ попАдал спать кто куда. Лишь Гена Ус задумчиво сидел на чурбачке у костра, в котором лежала голова невинно убиенного им голландского производителя, и внимательно смотрел в его мёртвые, укоризненные глаза…
Я уже собрался ложиться спать, залез головой в палатку, но, что-то меня остановило. Я вылез, оглянулся и увидел как Ус рухнул в костёр, мордой вниз…
Как я прыгнул!!! В доли секунды я выудил бычьего киллера из костра, он только успел опалить свои роскошные «мулявинские» усы и брови. Я разбудил Корзину, рассказал. Тот поржал от души и снова захрапел.
Вот уж воистину, в России утро – добрым не бывает!
Над речкой Идой плыл молочный туман, солнышко только начало золотить верхушки сосен и кедров, воздух был напоён ароматами смолы и трав…
Из палатки выполз Ус, мотая головой и ощупывая свою рожу, видимо не понимая, куда делась его мужская гордость – усы! Корзина ссал недалеко от палатки, увидев Уса, он заорал:
- Слышь, Ус! Если б не Андрюха, ты бы щас такой же был!!!
И он указал своей струёй, на костёр, в котором лежала чёрная, обуглившаяся голова с лопнувшими глазами…
Прошёл месяц. Ночи в тайге стали прохладней. Скука прочно вошла в наш быт. Очень не хватало женского общества. Все уже друг другу остопиздели, и всё чаще устраивали разборки по мелочам. Мы с Корзиной и Саней Тюрьмой своим авторитетом пытались сдерживать агрессию, но понимали, что ситуация может выйти из под контроля.
От местных мы узнали, что в 25 километрах от нас есть большой посёлок, а там классный клуб и море девок!
Мы с Корзиной решились. В полдень , попив чаю, взяв с собой бутерброды с жареным налимом, мы двинулись на «блядки»…
Шли долго, я был в кроссовках, Корзина в резиновых сапогах. По этой причине ему пришлось переносить меня на горбу через множество таёжных ручьёв и бродов. Я успокаивал его тем, что обещал на обратном пути я одену его сапоги и буду тащить его.
По обочине дороги сновала разная живность – бурундуки, белки, куропатки. Вдалеке удалось заметить изюбря.
Мы шли и фантазировали, как мы оторвёмся в деревне, воспалённое воображение рисовало ядрёных, деревенских девок в самых непристойных позах. Наивные чукотские юноши!
В деревню вошли затемно. Ноги были стёрты до жопы. Даже наше либидо притаилось. Еле нашли здание клуба.
На нём величественно красовался огромный, амбарный замок!
- Пиздец! Бляданули!- философски заметил Корзина.
У меня, в пистончике джинсового комбинезона «Супер Райфл», лежала заначка, ещё с Иркутска – 25-рублёвая купюра. Мы попытались войти в контакт с местным населением.

Поймали двух пацанов лет четырнадцати. Они поведали нам, что спиртного в деревне нет. Увидев нашу реакцию они испугались, а затем спросили робко:
- Бражку – будете?
- Да-а-а-а-а!!!!! : - заорали мы в два горла.
В это время стемнело. Объясняю, как темнеет в таёжной деревне: просто становится темно, как у негра в жопе. Как будто кто-то выключатель повернул. А темнота как гудрон, жирная на ощупь и такая же непроницаемая.
В общем, пацаны повели нас куда-то, шли мы за ними как караван слепых верблюдов, держась друг за друга.
На ощупь подошли к какому-то сараю. Пацаны скомандовали - лезьте наверх!
Лезу я по лестнице и думаю, щас как по башке топором ёбнут, и до свидания, Андрейка! Потом резонно решил, что пока нас убивать не за что, не успели мы ещё в этой деревне «накосорезить».
Влезли. Пацаны откуда-то достали эмалированное ведро с кружкой. Донёсся родной запах сивухи! Нам поднесли по полной кружке, в темноте тыкая ей, то в лоб, то в глаз. Я нашарил в кармане спички, чиркнул, глянул в ведро…
Блядь, лучше б я этого не делал. В ведре, в мутной жиже плавали разномастные, хлебные корки и ровный слой мух.
Я сдержал рвотный рефлекс и выпил. Корзина повторил мой подвиг. Мирно поболтав с пацанами, рассказали им о городском житье-бытье от наших рассказов они чуток подохуели, так как разговор вился вокруг темы ебли.
Ночевать нас отвели в гостинницу для командированных. Отелем это назвать было нельзя, но крыша над головой была. Окон не было. Забиты были. Досками. Насмерть.
В избушке горела керосиновая лампа. По периметру стояли нары, на которых лежали облёванные телогрейки и проссаные матрасы. На нарах в позе защитников Севастополя лежало три сильно татуированных тела, без признаков жизни, но издающие знакомый сивушный дух.
Мы сказали « А, поебать!» и рухнули на нары…
Пацаны нам сказали, что утром в нашу сторону пойдёт молоковоз «ГАЗ-66» и мы с ним можем добраться до лагеря.
Выползши утром на крыльцо, мы долго и мучительно блевали, в голове пульсировал набат колокола Хатыни. Желудок жил своей весёлой жизнью.
Шатаясь и поддерживая друг друга, мы побрели искать молоковоз, потому что пешком… О-о-о-о-о-о-о!!!
Об этом мы не хотели даже думать! У одной избы мы заметили машину с жёлтой цистерной, с надписью «Молоко». Мы сели на корточки неподалёку и стали ждать.
Кто знает, что такое ждать с похмелья – нас поймёт!
Прошло полчаса. Вдруг, сконцентрировав внимание, я увидел, что перед колёсами молоковоза и позади растёт девственная, зелёная травка и судя по ней, этот автомобиль на трогался с места месяца три…
Это был удар ниже пояса. Мы вскочили. И вновь двинули по деревне в поисках злосчастного молочника!
Судьба любит дураков и пьяниц. Молоковоз мы нашли, и он любезно согласился довезти нас до лагеря. Правда у «ГАЗ-66» всего два места, включая водительское, а двигатель посередине салона. Вот на нём-то мне и пришлось ехать, сидя в позе эмбриона. Плафон над головой был разбит, и на каждой кочке, контакты от лампочки больно впивались

мне в голову. Как я вытерпел эти 25 километров, я не знаю…
По дороге разработали сценарий того, что будем говорить.
Вальяжно вывалившись из кабины «душегубки», подошли к кухне и потребовали жрать! Мужики заботливо налили нам холодной ухи и с интересом заглядывали в наши непроницаемые лица. Нажравшись от пуза и хлебнув чифиря, который любезно заварил нам Саня Тюрьма, я сказал речь:
- И какого хуя мы раньше туда не пошли!!! Рядом с нами полдеревни не ёбаных баб, в магазине водка, а мы тут месяц дрочим!!!
Тут из меня посыпались подробности, как ласково нас встретили местные Лолиты, как беззаветно отдавались за пару сальных анекдотов. Корзина смачно поддакивал, приговаривая:
- Весь хуй стёр за ночь… Палок восемь кинул… или девять?
Народ судорожно стал собираться. Кто-то брился, кто-то мылся, кто-то искал чистую рубашку…
Я тихонько шепнул Корзине:
- Как ты думаешь, Саня, нас убьют?
-А хули мы одни должны говно хлебать- философски заметил он. С нами в лагере остался только Саня Тюрьма и Ус, который опять обпился томатного коктейля…
Когда толпа ебак скрылась из вида, мы рассказали Тюрьме правду. О, как он ржал!!!
Продолжение следует… 29 января 2008г.